

* * *

УДК 94

DOI 10.17816/snv202209

Статья поступила в редакцию 25.02.2020

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ, СОСТОЯНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АГЕНТУРНО-ОПЕРАТИВНОЙ РАБОТЫ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ

© 2020

Гизатулин Шамиль Тахирович, кандидат исторических наук*Главное управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Самарской области
(г. Самара, Российская Федерация)*

Аннотация. В статье отражены вопросы становления и развития агентурной работы органов государственной безопасности и правопорядка в первой половине 1920-х годов. Прослеживается процесс становления оперативной работы уголовного розыска. Рассмотрены нормативно-правовые документы, регламентирующие негласную работу органов ВЧК и НКВД. Указаны категории агентов уголовного розыска, предъявляемые к ним требования, правила построения и контроля над негласной работой, размеры финансирования. Прослеживается процесс развития и становления негласной работы центральных и местных учреждений уголовного розыска на примере губернских управлений уголовного розыска Среднего Поволжья. На основе архивных документов отмечена сложность и неравномерность данного процесса в регионах, отражены основные проблемы (организационные, кадровые и материальные) и принимаемые меры по их устранению и совершенствованию негласной работы. Материалы всероссийских съездов руководителей территориальных органов НКВД показывают, что вопросам организации агентурно-оперативной работы уделялось большое внимание. Рассмотрена практическая значимость негласной работы в деятельности уголовного розыска. Проведен анализ влияния агентурной информации, поступившей в Пензенское губернское управление уголовного розыска, на деятельность по раскрытию преступлений во второй половине 1922 года.

Ключевые слова: советский период; ВЧК; НКВД; уголовный розыск; агентурно-оперативная работа; негласная работа; секретные сотрудники; агенты; виды агентов; разведчики; осведомители; конспиративная квартира; инструкции по агентурной работе; съезды руководителей НКВД; организация негласной работы; проблемы агентурной работы; преступность; криминальный элемент; Среднее Поволжье; Самарская губерния; Саратовская губерния; Пензенская губерния; Татарская АССР.

В настоящее время продолжается изучение истории правоохранительных органов советского периода, расширяется тематика и география исследований.

Одним из малоизученных, «деликатных» аспектов деятельности советских органов безопасности и правопорядка является работа с лицами, оказывающими содействие на негласной основе, или агентурная работа. В настоящее время данные по агентурной работе являются сведениями, относящимися к государственной тайне. Согласно п. 3. ст. 5 Закона РФ «О государственной тайне» от 21.07.1993 № 5485-1 к ним отнесены сведения о лицах, сотрудничающих или сотрудничавших на конфиденциальной основе с органами, осуществляющих разведывательную, контрразведывательную и оперативно-розыскную деятельность [1].

Следует отметить и малочисленность открытых источников, в первую очередь архивных материалов, раскрывающих организацию и состояние оперативно-розыскной работы в первой половине 1920-х годов. Отдельные аспекты «негласной работы» затрагиваются в работах и публикациях, посвященных истории становления и деятельности органов ВЧК, милиции и уголовного розыска.

«Непродолжительное время после Октябрьской социалистической революции в Советской России оперативно-розыскная деятельность и, в частности, негласная агентурная работа нормативно не регламентировалась, хотя создание органов, наделенных правом осуществления такой деятельности, началось почти сразу» [2, с. 71–72].

Нельзя не согласиться с мнением исследователей, что первоначально при построении органов правопорядка применение негласных методов, в том числе использования агентов в борьбе с преступностью, не было предусмотрено по причине сложившегося негативного отношения к негласным информаторам и мнения о необходимости отказа от применения старых методов. «Считалось недопустимым для советских органов правопорядка использовать информационные услуги криминальных элементов» [3, с. 17].

После революционных преобразований 1917 г. первым органом, на который была возложена задача осуществления оперативно-розыскной деятельности, стала Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК). «Первоначально в деятельности органов ВЧК применялись в основном гласные (открытые) методы выявления и пресечения контрреволюционной деятельности, такие как вооруженное подавление антисоветских выступлений, производство массовых обысков и облав, профилактическая работа. Со временем в практику работы ВЧК вошли негласные средства и методы: агентурная и наружная разведка, перлюстрация корреспонденции (просмотр почтово-телеграфной переписки), оперативный учет (регистрация)» [4, с. 37].

Первыми нормативными актами по линии ВЧК, регламентировавшими оперативно-розыскную работу, являлись: «Инструкция по борьбе со спекуляцией» 1918 г.; «Инструкция по наружному наблюдению»; «Краткие указания ВЧК по ведению разведки»; «Положение о секретно-оперативном отделе ГЧК»,

принятое IV конференцией чрезвычайных комиссий в феврале 1920 г. и утвержденное коллегией ВЧК; Инструкция «О разрабатывании дел» от 17 июля 1921 г. и «Инструкция органам ВЧК на местах по ведению агентурной работы» от 17 июля 1921 г. [5, с. 21].

В «Кратких указаниях ВЧК по ведению разведки» подчеркивалось, что один, даже слабый, агент, находящийся в разрабатываемой среде, может дать неизмеримо больше материала для раскрытия преступления, чем можно получить через работающих в учреждениях официальных лиц. Добывание сведений при помощи секретной агентуры признавалось важнейшей задачей всех сотрудников ЧК, работающих по розыску [4, с. 40].

В 1918 г. циркуляром НКВД РСФСР от 16 октября 1918 г. было принято «Положение об уголовном розыске». В 1919 г. — «Инструкция по уголовному розыску», которая закрепляла методы борьбы с преступностью, в которой формулировалось, что подразделения уголовного розыска осуществляют борьбу с преступностью «путем негласной агентуры и наружного наблюдения» [6, с. 109].

10 апреля 1922 г. приказом НКВД РСФСР уголовный розыск был выделен из общей милиции и стал самостоятельной службой органов внутренних дел, отдел уголовного розыска был преобразован в Управление уголовного розыска Республики. Тогда же налаживается использование специального аппарата и негласных методов работы службы уголовного розыска [3, с. 17].

«В августе 1923 г. вместо прежде существовавших Организационно-административного управления, Главного управления милиции и Отдела уголовного розыска было создано Центральное административное управление (ЦАУ) НКВД РСФСР, в результате чего более чем вдвое были сокращены штаты и на 30% — расходы на содержание аппарата» [7, с. 169–170]. В 1923 году милиция и уголовный розыск были сняты с общегосударственного бюджета и переведены на местный бюджет [3, с. 18]. Перевод милиции на местный бюджет привел к серьезным негативным последствиям, снижению эффективности оперативно-служебной деятельности.

Наряду с ведомственными актами оперативно-розыскная деятельность регулировалась на законодательном уровне. В соответствии со ст. 93 УПК РСФСР 1923 г. допускалась негласная проверка оперативно-розыскными органами анонимных заявлений о совершенных и готовящихся преступлениях.

Важную роль в совершенствовании оперативно-розыскной работы сыграла «Инструкция по организации секретной агентуры в учреждениях уголовного розыска», утвержденная приказом Главного управления милиции № 372/с от 2 ноября 1921 г. (далее — «инструкция»), которая определила статус секретных разведчиков и негласных осведомителей, а также принципы их деятельности. «В ней говорилось, что негласный аппарат призван предупреждать и раскрывать преступления путем заблаговременного осведомления о предполагающихся и сбора сведений по уже совершенным преступлениям. При этом инструкция практически ничем не ограничивала отбор лиц, привлекаемых к негласному сотрудничеству (возрастом, грамотностью, судимостью, партийной принадлежностью, должностным положением и т.п.), основным требованием была эффективность их деятельности» [2, с. 78].

Разведчиками являлись агенты уголовного розыска, внедрявшиеся в преступную среду. «Требования, предъявляемые к разведчикам, этой высшей категории секретных сотрудников, очень высоки. От них помимо надлежащих физических и нравственных качеств, особенно честности и добросовестности, требуются достаточное умственное развитие, способность увлекаться работой, смелость, хладнокровие, ловкость и изворотливость и умение «держат язык за зубами» (конспирация)... Для этой работы также пригодны женщины... Для своей работы разведчики соответствующим образом подготавливаются, и с ними ведутся занятия по криминалистике, искусству гримировки и т.д.» [8, с. 270–271].

Осведомители делились на постоянных и случайных. Они работали как добровольно, безвозмездно, так и платно, получая установленный размер жалованья, или сдельно, сумма вознаграждения зависела от значимости оперативной информации. «Осведомители вербуются среди владельцев мелких торговых и ремесленных предприятий, владельцев общественных заведений (трактиров, ресторанов, кафе, чайных, гостиниц, меблированных комнат и т.п.), служащих этих учреждений, домашней прислуги, дворников и швейцаров, уличных торговцев, шоферов, извозчиков, проституток, словом, лиц, по своей профессии сталкивающихся ежедневно с множеством разных людей... Осведомители вербуются также и из профессиональных преступников, имевших судимость и оставивших свою преступную деятельность или еще продолжающих таковую... к ним приходится относиться с особой осторожностью, так как среди них не редкость "двойные предатели"» [8, с. 272–273].

В 1928 г. НКВД было издано распоряжение, запрещающее аппаратам уголовного розыска вербовку лиц, принадлежащих к уголовному миру [6, с. 110].

«Инструкцией по негласной работе» был предусмотрен порядок учета агентуры. В секретных подразделениях уголовного розыска, т.н. «секретных отделах» заводились и велись: книга личного состава лиц, входящих в негласный аппарат; приходно-расходная книга бланков конспиративных документов; денежная приходно-расходная книга, наряд оправдательных документов по статьям расходов на оперативную работу [9, л. 117]. На каждого завербованного осведомителя заводилось и велось личное дело, в которое обязательно включалась подписка в обязательстве работать в качестве негласного осведомителя, указывался оперативный псевдоним («кликча») [9, л. 108, 123].

Контроль за организацией деятельности, расходованием средств на негласную работу возлагался на начальника уголовного розыска. Что касается личного знакомства с осведомителями, то оно было не обязательным и зависело от желания последнего, который был вправе отказаться от такового.

Для организации оперативного внедрения разведчиков в преступный мир и проведения наружного наблюдения за преступниками, местами их концентрации, в подразделениях уголовного розыска создавались костюмерные [9, л. 107]. В учебнике криминалистики И.Н. Якимова вспомогательным средствам успешной негласной работы уделена отдельная глава, в которой рассмотрены способы изменения внешности с помощью грима, одежды, применения специальных технических средств (компактных фотоаппаратов) [8, с. 274].

Для организации негласных встреч сотрудников уголовного розыска с осведомителями местными властями подразделениям уголовного розыска выделялись конспиративные квартиры. Чаще всего это были комнаты в гостиницах [10, с. 148]. Так, в 1922 году в г. Пензе для нужд губернского уголовного розыска имелись 3 конспиративные квартиры [9, л. 117].

До 1922 года об организации системы агентурной работы в стране и на местах говорить рано [11, с. 40]. В материалах ревизии Пензенского губернского управления уголовного розыска, проведенной в декабре 1922 года, указывалось: «Началом деятельности секретной агентуры при Пензенском Губернском Управлении Уголовного Розыска следует считать 1922 год, так как о состоянии и деятельности секретной агентуры за предыдущие годы в Управлении Губрозыска никаких документальных данных нет» [9, л. 116–116 об.].

До этого времени одним из элементов координации данной работы являлись разъяснения Центроуголовного розыска губернским управлениям. Так, например, в сентябре 1921 года для Саратовского губернского УГРО Центроуголовным были даны разъяснения по ряду вопросов оперативно-служебной деятельности, направленных вместе с отчетом о проделанной работе за август 1921 года: «4) Секретные сотрудники удовлетворяются содержанием сумм, предназначенных на особые расходы, но не пользуются правом на паек и обмундирование. 5) Вербовка граждан, не достигших 21 года, в секретные сотрудники допустима» [12, л. 7].

С момента издания «Инструкции по агентурной работе» началась централизованная работа по данному направлению. В докладе начальника уголовного розыска РСФСР В.А. Кожевникова на заседании первого Всероссийского съезда работников милиции, состоявшегося в марте 1922 года, подчеркивалось: «Наша существенная и ближайшая задача – немедленная организация секретной агентуры. ... В настоящее время без секретной агентуры нам не обойтись» [11, с. 40].

Изучение материалов ГАРФ показало, что построение агентурной работы в органах уголовного розыска Среднего Поволжья шло неравномерно, с разной успешностью.

В конце 1922 года состояние агентурной работы в Пензенском губернском управлении уголовного розыска по результатам ревизии оценивалось следующим образом: «Секретная агентура налажена и достаточно развита ... секретных разведчиков... в момент ревизии было только 3, а осведомителей 150, из коих 57 работают в учреждениях г. Пензы, 18 – по Пензенскому уезду, а остальные – в 3 районах г. Пензы» [9, л. 107].

В первой половине 1923 года агентура в Саратовском губрозыске отсутствовала. В докладе по результатам ревизии, проведенной с 25 мая по 4 июня 1923 года, указывалось: «Секретная агентура не организована. Нет ни разведчиков, ни осведомителей, если не считать восьми случайных осведомителей» [13, л. 11 об.–12].

Состояние организации секретной части начальником Самарского губернского подотдела уголовного розыска административного отдела ГИК Сухачёвым в середине 1923 года оценивалось критически:

«Руководство столь важной работы, каковую выполняет Секретная часть, – было слабо. Начальник Секчасти малоподготовлен, неопытен, к тому же занимался большей частью склокой, подсиживанием и т.п. Конспиративные квартиры положены неудачно, не налажена связь. Осведомы в большинстве не отвечали тем требованиям, кои на них возложены. Подбор таковых неудачен. В Государственных Экономических Учреждениях и организациях осведомительная сеть не налажена, почему получение тех или иных сведений о преступных деяниях недостаточно. На это обращено серьезное внимание... начальник Секчасти с работы смещен. На этот пост переведен из Подотдела Милиции... коему вверено реорганизовать в целом Секретную часть... Приняты меры к оборудованию гардероба. Увеличена зарплата с/сотрудникам» [14, л. 17 об.].

Необходимо подчеркнуть, что одной из главных причин, тормозящих развитие агентурной работы уголовного розыска, являлось недостаточное финансирование негласной работы. Вообще материальные проблемы были настоящим бичом советских правоохранительных органов в рассматриваемый период.

Для Пензенского уголовного розыска в конце 1922 года материальные проблемы являлись серьезным препятствием для организации агентурно-оперативной работы: «Скудность отпускаемых до сего времени средств не дает возможности расширить кадр секретных разведчиков... По тем же соображениям (недостаточность средств) не представляется возможным пополнить имеющуюся небольшую костюмерную необходимыми костюмами и гримом» [9, л. 107].

Жалобы на недостаточность финансирования секретной работы указывались в отчетных документах и были присущи всем уголовно-розыскным управлениям страны и сохранялись на протяжении всего рассматриваемого периода и оказывали негативное влияние на его эффективность. Так, в докладе начальника уголовного розыска Татарской АССР Мухаметжанова от 20 февраля 1926 года сообщалось, что отказ руководства НКВД ТАССР в январе 1925 года в выделении дополнительных средств для агентурной работы в размере 300 рублей помешал оперативной ликвидации банды, действовавшей в Свияжском кантоне ТАССР. Банда была ликвидирована в октябре 1925 года, но часть бандитов скрылась [15, л. 1–2].

В ряде случаев Управление Уголовного Розыска Республики обращалось в губернские исполкомы о выделении средств для уголовного розыска на агентурную работу: «Из представленных докладов начальником Саратовского губрозыска видно, что вследствие не отпуска средств на содержание секретной агентуры, таковая почти совершенно не организована... прошу принять все зависящие меры к достаточному увеличению средств на содержание сотрудников Угрозыска, а также и на содержание секретного аппарата» [15, л. 150].

Практика ходатайств НКВД перед местными властями об улучшении финансирования отделов уголовного розыска сохранялась на протяжении рассматриваемого нами периода [10, с. 146–147].

Суммы, выделяемые финансовым отделом НКВД территориальным управлениям уголовного розыска на секретные расходы в 1922 году, увеличивались. Так, Пензенскому уголовному розыску в мае 1922 го-

да было выделено 11250 рублей, в июне – 16800, в августе и сентябре по 33600, Самарскому и Саратовскому по 13500, 20000, 40000, 65000 рублей соответственно, Симбирскому – 11250, 20000, 40000, 65000 [16, л. 1 об.–2, 9–9 об.].

Разница в суммах финансирования обусловлена отнесением региональных управлений розыска в соответствие с действующими нормативными правовыми актами к разным категориям. Выделяемые средства на негласную работу были недостаточными, проблемы финансирования сохранялись.

На данную проблему указывалось в докладе начальника Отдела уголовного розыска НКВД РСФСР Н.А. Николаевского на заседании Всероссийского съезда начальников губернских административных отделов и губернских подотделов уголовного розыска (далее – Съезд), проходившего в январе 1925 году: «Главная часть нашей организации – это секретный аппарат. Вы по диаграмме видите пестроту снабжения аппаратов Угрозысков секретными суммами. Средства в большинстве случаев очень мизерны...» [10, с. 97].

Несмотря на скромное снабжение, успешность агентурной работы не определялась исключительно финансированием, что отмечалось в выступлениях руководства уголовного розыска страны на Съезде: «... есть Розыски, получающие 333 рубля в месяц, а агентурных дел ни одного. Сводки ни одной... Есть Розыски, получающие всего 100 руб. в месяц и имеют трех осведомов и 288 агентурных дел, из коих всего 29 дел дутых. Есть и такие Розыски, которые получают 8400 руб. в год и имеют около 700 дел» [10, с. 156–157].

Негативно влияли и проблемы организационного характера, которые заключались в низкой квалификации сотрудников уголовного розыска, расходовании средств, выделенных для негласной работы на другие цели, использовании в качестве осведомителей преступников и др. На многие из этих моментов указывалось на Съезде: «Секретная Часть является главным нервом уголовно-розыскного аппарата. ... Для того, чтобы Секретная Часть полностью выполнила свое дело, она должна быть сконструирована правильно. Лица, состоящие на службе в Секретной Части, должны быть к этому подготовлены и безукоризненно честны. Секретная Часть в Уголовном Розыске, хотя и имеет особо важное значение, однако во многих Розысках существует только на бумаге, а в действительности ее нет, так как обычно средства на нее или совсем не отпускаются, или отпускаются крайне скудно... Есть и такие Секретные Части, на которые отпускаются довольно значительные средства – 850 руб. в месяц, но они работают очень слабо, и зачастую такая Секретная Часть числится только на бумаге, а почему... Да потому, что средства расходуются на приобретение лошадей, экипажей, на кормление арестованных и т.д.... Те Розыски, которые расходуют секретные суммы не по назначению, пользуются услугами преступных элементов, т.е. вербуют осведомителей из среды преступных элементов, делая им некоторые поблажки» [10, с. 146–147].

Необходимости совершенствования негласной работы уделялось и местным руководством. Так, в Инструкции Самарского губернского уголовного розыска от 1 ноября 1922 года подчеркивалось: «Начальники Отделений Уголовного Розыска ведут свою

работу с целью предупреждения готовящихся преступлений к раскрытию совершившихся и пресечения обнаруженных преступлений путем выяснения через негласную Агентуру и наружное наблюдение, для чего обязаны вести систематический надзор за преступным элементом, собирать сведения о воровских квартирах, скупщиках краденого, контрабандистах, фальшивомонетчиках, а также наблюдать за подозрительными лицами, быть всегда осведомленными о всех делах преступного характера» [17, л. 60].

В приказе Самарского уездно-городского отделения уголовного розыска от 13 сентября 1923 года указывалось: «Приказываю Инспектору Секретного отдела усилить работоспособность агентуры. Ежедневно в 11 часов утра Инспектор Секрет. стола должен делать мне доклад о ходе работы стола. Всех нерадивых сотрудников уволить, оставив исключительно энергичных работников...» [18, л. 6].

Основным показателем агентурно-оперативной работы является ее результативность, т.е. количество поступившей оперативной информации, способствовавшей раскрытию преступлений и установлению лиц, причастных к их совершению.

Пензенским губернским уголовным розыском с июня по 7 декабря 1922 года на основании агентурной информации было раскрыто 192 преступления, из которых – 102 факта самогоноварения, 26 фактов хранения оружия, 22 факта побегов из-под стражи, 22 кражи, из которых простых краж – 13 [9, л. 117]. Помесячная динамика раскрытых на основе агентурной информации преступлений неравномерна. Треть преступлений 65 из 192 раскрыта в июне 1922 года, из которых 40 – преступления, связанные с самогоноварением. Еще один всплеск показателей отмечен в августе – 31 преступление, основу которого также составили факты самогоноварения (17). Осенью 1922 года динамика показателей стабилизировалась и колебалась от 18 до 21 [9, л. 117].

Доля преступлений, раскрытых по агентурной информации, от общего числа раскрытых Пензенским уголовным розыском в августе 1922 года равнялась 12,7% (31 из 244), в октябре – 9,8% (23 из 233) [9, л. 115 об., 117].

Подводя итог изучению рассматриваемой нами проблемы, следует еще раз подчеркнуть, что в первой половине 1920-х годов становление агентурно-оперативной работы в подразделениях уголовного розыска только началось. В этот период появились распорядительные документы, регламентирующие порядок, финансирование и организацию негласной работы, методические рекомендации.

Развитие данного малоизученного, но чрезвычайно значимого направления оперативной работы правоохранительных органов шло медленно, что было напрямую связано с проводимыми преобразованиями в милиции и уголовном розыске, кадровыми и материально-техническими проблемами.

В регионах Среднего Поволжья развитие негласной работы в подразделениях уголовного розыска было неравномерным, находилось на этапе становления, относилось к числу приоритетных направлений оперативно-служебной деятельности. Проводимая на местах работа, несмотря на все недостатки, способствовала раскрытию наиболее распространенных видов преступлений – краж и самогоноварения.

Список литературы:

1. О государственной тайне: Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1.
2. Федоров А.В., Шахматов А.В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. 335 с.
3. Камалова Г.Т. Организационно-правовые основы деятельности советской милиции (1920–1923 гг.) // Вестник ЮУрГУ. 2007. № 4. С. 15–19.
4. Кирмель Н.С., Шинин О.В. Красные против белых: спецслужбы в Гражданской войне 1917–1922. М.: Вече, 2016. 479 с.
5. Шахматов А.В. Агентурная работа в оперативно-розыскной деятельности: Теоретико-правовое исследование российского опыта: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. 39 с.
6. Говоров И.В. Негласная агентура советской милиции в 1940-х годах // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 109–119.
7. Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Елифанов А.Е. История отечественных органов внутренних дел: учебник для вузов. М.: Nota Bene Медиа Трейд Компани, 2005. 336 с.
8. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М.: НКВД РСФСР, 1925. 430 с.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-393. Оп. 38. Д. 41.
10. Всероссийский съезд начальников губернских административных отделов и губернских подотделов уголовного розыска, янв. 1925 г.: Стеногр. Отчет. М.: НКВД, 1925. 225 с.
11. Всероссийский съезд работников милиции – 6 марта 1922. Стеногр. Отчет. М.: 1-й, 1922. 63 с.
12. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 31. Д. 487.
13. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 45. Д. 91.
14. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 98. Оп. 1. Д. 835.
15. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 66. Д. 186.
16. ГАРФ. Ф. Р-353. Оп. 23а. Д. 283.
17. ЦГАСО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 345.
18. ЦГАСО. Ф. 281. Оп. 1. Д. 19.

ORGANIZATION, STATE AND ACTIVITY OF CRIMINAL INVESTIGATION UNITS INTELLIGENCE WORK IN THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE FIRST HALF OF THE 1920S

© 2020

Gizatulin Shamil Takhirovich, candidate of historical sciences

*The Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the Samara Region
(Samara, Russian Federation)*

Abstract. The paper reflects the issues of formation and development of the agency work of state security and law enforcement agencies in the first half of the 1920s. The author considers the process of operational work formation of the criminal investigation department. Legal documents regulating the secret work of the Cheka and NKVD bodies are also considered. The categories of criminal investigation agents, the requirements imposed on them, the rules for building and controlling covert work, and the amount of funding are specified. Development and formation of the secret work of central and local criminal investigation institutions is traced on the example of the provincial criminal investigation departments of the Middle Volga region. On the basis of archival documents, the complexity and unevenness of this process in the regions are noted; the main problems (organizational, personnel and material) and the measures taken to eliminate them and improve the secret work are reflected. Materials of all-Russian congresses of NKVD territorial bodies heads show that much attention was paid to the organization of intelligence and operational work. The practical significance of covert work on the activities of the criminal investigation department is considered. The author has analyzed the influence of the received agent information by the Penza provincial department of criminal investigation on the activity of solving crimes in the second half of 1922.

Keywords: Soviet period; Cheka; NKVD; criminal investigation; intelligence work; secret work; secret employees; agents; types of agents; scouts; informants; safe house; instructions for agent work; congresses of NKVD leaders; organization of secret work; problems of agent work; crime; criminal element; Middle Volga region; Samara province; Saratov province; Penza province; Tatar ASSR.